

Нелли Гореславская

МИХАЛКОВЫ и КОНЧАЛОВСКИЕ:

ГНЕЗДО ЭЛИТЫ

Нелли Борисовна Гореславская Михалковы и Кончаловские.

Гнездо элиты

Серия «Ироническая политология»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27443408

Михалковы и Кончаловские. Гнездо элиты: Алгоритм; Москва; 2008

ISBN 978-5-9265-0309-5

Аннотация

Трудно найти другую столь известную в нашей стране семью, которая бы могла превзойти этот старинный дворянский род по числу одаренных личностей. К ним можно относиться по-разному – не любить их самих или творчество, не разделять взглядов, не соглашаясь с высказываниями по разным поводам, но нельзя отрицать их талантливости. Причем здесь, опровергая правило, природа на потомках не отдыхает. У Михалковых-Кончаловских художественно одарены все – от великого русского живописца Василия Сурикова до его правнуков, кинорежиссеров с мировым именем – Андрона Кончаловского и Никиты Михалкова, не говоря уже об их отце, «советском Крылове», баснописце Сергее Михалкове, авторе двух гимнов нашей страны. Для народа они – кумиры, для власти всегда, при разных правителях и даже при разных социальных устройствах, –

любимцы, этой властью обласканные, неизменно находящиеся на вершине российского Парнаса. О феномене российской элиты – семействе Михалковых и Кончаловских, их родословной, берущей начало еще со времен Ивана Грозного, и роли в нашей культуре – книга Нелли Гореславской.

Содержание

Нелли Гореславская	5
Феномен Михалковых. Вместо предисловия	6
История древнего рода	9
Родословная	9
Традиции семьи Михалковых	12
Великий предок	17
Кончаловские	25
Дом в Буграх	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Нелли Гореславская Михалковы и Кончаловские. Гнездо элиты

© Гореславская Н.Б., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

*** * ***

Феномен Михалковых.

Вместо предисловия

Трудно найти другую столь известную в нашей стране семью, которая сравнилась бы с этим старинным многочисленным родом в количестве одаренных личностей. К ним можно относиться по-разному – не любить их самих и их творчество, не разделять их взглядов, не соглашаться с их высказываниями по разным поводам, но нельзя отрицать их талантливость. Причем здесь, опровергая правило, природа на потомках не отдыхает. У Михалковых-Кончаловских таланты все.

Талантливы по-разному, в разных областях искусства и культуры, но все яркие, даровиты, своеобразны. Для народа они – кумиры, для власти всегда, при разных правителях и даже при разных социальных устройствах, – любимцы, этой властью обласканные, неизменно находящиеся на вершине российского Парнаса. В непростом мире творческих личностей такое их положение вызывает многочисленные пересуды и сплетни, разумеется, недоброжелательные, но... тем не менее, всерьез никем не оспаривается.

Многие коллеги и критики видят в этом их счастливым качеством просто умение приспособливаться, угождать власть имущим. Однако вряд ли кто из серьезных критиков усом-

мнится, например, в таланте Сергея Владимировича, давно ставшего классиком детской литературы... Или в актерском и режиссерском даре Никиты Михалкова, тоже давно ставшего мэтром отечественного кино... Не столь единодушно оценивается режиссерский талант старшего брата – Андрея Михалкова-Кончаловского. Но количество призов международных кинофестивалей, которых были удостоены его фильмы, и тут говорит само за себя и представляет достойный ответ его недоброжелателям.

Талантливы, а некоторые из них уже отмечены разнообразными призами и наградами за их вклад в развитие российской культуры и искусства, и представители следующего, молодого поколения Михалковых-Кончаловских. Конечно, пока они не сравнятся по известности со своими отцами и дедами-прадедами, поэтому эта книжка не о них. Но все же следует отметить, что, например, Егор Кончаловский – уже достаточно широко известный кинорежиссер. Правда, пока он снимает не серьезное кино, а в основном боевики, и очень этим, по его словам, доволен, но, наверное, всему свое время. Думается, еще созреет – фамилия заставит. В смысле – гены. Об остальных детях Андрея Сергеевича, к сожалению, или известно слишком мало, или они еще малы, поэтому и сказать о них пока нечего.

Зато на слуху имена детей Никиты Сергеевича. Так, его старший сын от брака с Анастасией Вертинской Степан Михалков не стал продолжать семейный кинобизнес и выбрал

карьеру ресторатора. Впрочем, жизнь покажет, чему же он ее в конце концов посвятит. Ведь он еще и генеральный продюсер студии «Art pictures». Так что внимания со стороны прессы, модной тусовки и обычных граждан к нему не меньше, чем к любой кинозвезде. Что касается Анны Михалковой, то она, как пишут на ее сайте, «все время мечется в поисках себя, не удовлетворяясь ни принадлежностью к клану Михалковых, ни ролью хорошей актрисы, ни ролью популярной телеведущей, ни работой в российском Фонде культуры...». И то, и другое, и третье Анна уже испробовала на практике. И все получилось. Младший сын Никиты Сергеевича Артем тоже стал актером и, как повелось в звездном семействе, пробует себя в режиссуре. Наконец, папина любимица Надя учится в МГИМО на факультете международной журналистики и, как и все Михалковы, снимается в кино. Кинокартин за ее плечами пока немного, но ведь и она еще совсем молода. Сейчас Надя снимается в фильме Никиты Сергеевича «Утомленные солнцем-2».

То есть своим молодым поколением Михалковы и Кончаловские могут быть вполне довольны – их род растет, ширится и процветает. Уродов и паршивых овец не видно.

Возможно, разгадка такого чудесного феномена в древних и глубоких родовых корнях?

История древнего рода

Родословная

«Сергей Владимирович свою родословную стал собирать уже давно, к своим корням относится очень бережно. И нас к тому же привлекает», – написал Андрон Кончаловский в своей книге «Низкие истины». Беречь им и в самом деле есть что.

Дворянский род Михалковых известен еще с конца XV века, со времен Ивана Грозного. Пошел же он от некоего Михалки, от имени которого и образовалась фамилия его потомков. По одному из представителей династии получило свое название и подмосковное имение Михалково, ныне входящее в черту города.

Как известно, в те древние времена западные русские земли оказались под властью Великого княжества Литовского. В XV веке многие русские жители этого края, чтобы избежать притеснений со стороны литовских феодалов и не желая переходить в католичество, растворяться в чуждой им этнической среде, терять свою принадлежность к русскому народу, переселялись на Русь – в Москву, Тверь и другие города. Выхал в первой половине XV века из Литвы в Тверь, на службу к великому князю Ивану Михайловичу Тверско-

му, и некто Марк Демидович. От его потомков Киндыревых и «ответвились» Михалковы.

Наиболее ранний известный представитель рода Михалковых – это некий Гридица Михалков (упоминается под 1498 годом). Далее идет Тимофей (Тиша) Федорович Михалков – дьяк, сперва казенный, позже великокняжеский, а затем дворцовый. Упоминался он в завещании князя Дмитрия Углицкого, составленном в 1521 году, как заведующий его казною. Это, несомненно, свидетельствует о высокой степени доверия, оказанной Т.Ф.Михалкову, и о его близости к князю. В 1532 году Т.Ф. Михалков внес 50 рублей в Троице-Сергиев монастырь, тогда еще не бывший лаврой, на свое «вечное поминовение». Впоследствии он был похоронен там на монастырском кладбище. Это подтверждает факт пожертвования в монастырь сыновьями Т.Ф. Михалкова Андреем и Полиевктом 100 рублей на поминание отцовской души.

Троице-Сергиева лавра стала одной из усыпальниц рода Михалковых. В списках погребенных в ней значатся и супруга Богдана Артамоновича Михалкова – Агриппина, скончавшаяся в 1631 году, и некий старец Арсений Михалков (возможно, ее муж), по-видимому, постриженный в монахи перед своей кончиной в 1633 году. Андрей Тимофеевич Михалков, сын упоминавшегося Тимофея Федоровича, при Иване Грозном был назначен наместником в Тулу, где и находился в 1580–1582 годах, впоследствии он стал воеводой в пограничном Смоленске. Его сын Андрей также был намест-

ником в Туле (1582), а потом воеводой в Смоленске (1584).

Константин Иванович Михалков был первым постельничим молодого царя Михаила Федоровича и наместником трети московской (1614).

Так, в сборнике «Старина и новизна» (книга XVII, 1914) записано: «Михалковы в свойстве с Шестовыми, родом Великой Старицы Марфы Ивановны, матери Царя Михаила Федоровича. Первым «постельничим» вновь избранного Царя был человек ему не сторонний, а именно Михалков».

Среди предков Михалковых были и ратники, и служилые дворяне. В период Смутного времени известен был Федор Иванович Михалков, который служил воеводой в нескольких русских городах. Он не поддавался соблазну поступить на службу ни к Лжедмитрию I, ни к Тушинскому вору. За верность и участие в боевых действиях против поляков Федор Михалков получил от князей Трубецкого и Пожарского вотчину.

Сын Федора Ивановича, Дмитрий Михалков, сорок лет нес ратную службу. Он участвовал в войнах с Польшей и Швецией, происходивших в XVII столетии. В 1659 году в бою под Конотопом получил тяжелую рану, но, несмотря на это, оставался в строю. Через несколько лет он был вновь ранен в бою с турецкими войсками под Чигирином, но и тогда военной службы не оставил.

Традиции семьи Михалковых

Славные традиции семьи Михалковых продолжили и последующие ее поколения – как в допетровские, так и в послепетровские времена. Так, прапрадед писателя, его полный тезка Сергей Владимирович Михалков (1789–1843), в составе знаменитого Семеновского полка дослужился от унтер-офицера до чина подпоручика, сумев отличиться в сражениях против Наполеона под Аустерлицем (1805 г.) и при Фридланде (1807 г.), был награжден несколькими боевыми орденами России.

А вот сын его, прадед поэта Владимир Сергеевич Михалков (1817–1903), открыл новую страничку в истории семьи – теперь уже не в военной сфере, а в области культуры. Блестяще окончив Дерптский университет (ныне г. Тарту), он посвятил себя деятельности на ниве народного образования: в течение долгих лет был почетным смотрителем Ярославской губернской гимназии, которой в 1855 году пожертвовал крупную коллекцию минералов и книги из личной библиотеки. Будучи страстным коллекционером, большую часть предметов старины – гравюры, посуду, одежду – передал Историко-художественному музею Рыбинска: они и по сей день составляют золотой фонд его экспозиции. В отставку Владимир Сергеевич вышел в чине действительного статского советника (в военной иерархии чинов соответствует гене-

рал-майору), и, являясь владельцем одной из известнейших частных библиотек России, он, в лучших традициях дворянской интеллигенции, оставил завещательное распоряжение предоставить свое собрание «в общественное пользование». Выполнил волю своего покойного деда отец С.В.Михалкова, Владимир Александрович: в 1917 году уникальная родовая библиотека перешла в фонд Румянцевского музея, где и находится до сих пор.

Любопытно еще и то, что побочные ответвления генеалогического древа рода Михалковых ведут к близким родственным связям с Толстыми и к дальним – с Николаем Васильевичем Гоголем.

Примечательна и родословная С.В.Михалкова по материнской линии. Мать его, Ольга Михайловна (урожденная Глебова), происходила из семьи, представители которой также отличались как на военной, так и на государственной службе. Так, прапрадед писателя, Михаил Петрович Глебов, участник Отечественной войны 1812 года, в 1814 году был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» в знак особого отличия в сражении против французов при Гельсберге. Такую же награду за доблесть в войне 1812–1814 годов получил и другой прадед Ольги Михайловны – майор Григорий Михайлович Безобразов.

Что касается отца будущего поэта, Владимира Александровича Михалкова, то он окончил юридический факультет Московского университета, однако вдруг неожиданно для

всех увлекся... птицеводством. Но неожиданностью это могло показаться лишь на первый взгляд. Дело в том, что Октябрьская революция, радикально изменив общественный строй в России, тем самым вольно или невольно «вытеснила» из страны многих образованных специалистов из числа представителей русской интеллигенции. Их место должны были занять те, кто решил служить своему народу независимо от формы власти в государстве. К таким людям и принадлежал Владимир Александрович Михалков.

Могла ли семья Михалковых спрятаться от бед и невзгод послереволюционной России где-нибудь в Париже или в Берлине? Разумеется, могла. Почему же Владимир Александрович выбрал иной путь? Почему он решил, несмотря ни на что, терпеть все, что выпало на долю русскому народу? Как считает Сергей Владимирович, потому, что его отец знал себя, знал, что истинно русскому человеку трудно, почти невозможно прижиться в чужом, даже благодатном краю.

Владимир Александрович говорил:

– Россия выбрала себе другую власть. Я – русский человек, и я не буду бороться с этой властью, я буду работать, служить своему народу...

«Надо при этом учесть, что он был верующим человеком и понятия долга перед людьми, Отечеством были для него не пустым звуком. Поэтому он в числе других образованных людей слышал призыв о помощи, в которой нуждалось разрушенное хозяйство страны.

Да, призыв был от новой власти, от большевиков, от тех, кто разорил его семью. Но другой-то власти не было! И другого разумного призыва он не слышал. Великий жизнелюб, энергичный, деятельный человек, отец мой не мог, как иные, сидеть где-нибудь в уголке и крыть «проклятых большевиков», вспоминая с надрывом свое светлое былое, чем занимались многие «бывшие» что в России, что в эмиграции. Воспитанный в уважении к простому народу, в сострадании к его бедам, он не посчитал доблестью саботаж, а пошел и стал работать там, где был нужнее».

Впрочем, в том, что в 1927 году семья Михалковых переехала из Москвы в Пятигорск (Владимиру Александровичу предложили работу в Терселькредсоюзе), Сергей Владимирович усматривает и еще один немаловажный аспект: «бывшим» лучше было в то смутное, тяжелое время находиться подальше от центра власти и глаз бдительных органов.

Ученый, изобретатель, энтузиаст и пропагандист своего дела, Владимир Александрович менее чем за десять лет опубликовал около тридцати работ по птицеводству. Его имя и по сей день занимает почетное место в ряду ветеранов отечественного птицеводства.

Мать Сергея Владимировича, Ольга Михайловна, всецело преданная семье, мягкая, сердечная женщина, некоторое время учительствовала, была сестрой милосердия, а затем полностью отдала себя мужу и детям. Детей было трое, и все сыновья – Сергей, Михаил и Александр. По рассказам

Сергея Владимировича, вспоминая о матери, он прежде всего представляет ее склоненную голову в неярком свете керосиновой лампы: мама старательно распарывает какое-то старое пальтишко, прикидывая, какую полезную вещь можно из него выкроить для кого-то из членов семьи... Именно ей братья обязаны тем, что получили образование, выучили языки, умели прилично вести себя в обществе. А мужу она была верной соратницей в его изобретательстве, всегда поддерживая все его начинания, а иногда тактично подсказывая то или иное возможное решение возникших проблем. Неслучайно, говоря о высоких наградах, которых в разные времена были удостоены его предки, благодарный сын отмечает, что «мама моя тоже имела право на высокую награду» за самоотверженность, верность своему материнскому долгу и умение держаться достойно в самых тяжелых жизненных обстоятельствах...

Великий предок

Еще более известным в русской истории, хотя и менее знатным, был род жены Сергея Владимировича – Натальи Петровны Кончаловской, внучки великого русского художника Василия Ивановича Сурикова и дочери известного живописца Петра Петровича Кончаловского.

Знаменитый предок режиссеров Михалковых Василий Иванович Суриков был родом из казаков Суриковых, которые пришли в Сибирь с Дона вместе с Ермаком. После того как Ермак утонул в Иртыше, казаки пошли вверх по Енисею и основали в 1622 году Красноярские остроги, как назывались в то время поселения, укрепленные частоколом. Тогда и упоминается впервые имя Суриковых. Хотя первые точные указания о Суриковых относятся уже ко временам Петра Великого.

По словам Максимилиана Волошина, написавшего прекрасную книгу о великом русском художнике, «...в течение всего XVIII века Суриковы остаются простыми казаками и только в первой половине XIX века доходят до офицерских чинов – между ними появляются сотники, хорунжие, а один из них – Александр Степанович – становится полковым атаманом Енисейского казачьего полка, преобразованного в 1822 году из Енисейской и Красноярской дружин, существовавших в течение двухсот лет, со времен Ермака».

Дед Василия Ивановича Сурикова, Александр Степанович, был первым полковым атаманом Енисейского полка. Суриков гордился своим происхождением и писал об этом: «Со всех сторон я природный казак... Мое казачество более, чем 200-летнее».

Отец Василия Ивановича – Иван Васильевич был сотником и умер молодым (в 1859 г.). Он был очень музыкален, обладал прекрасным голосом, и губернатор Енисейской губернии его возил всюду с собой как певца. Волошин приводит воспоминания самого Василия Ивановича о детстве: «В Сибири народ другой, чем в России: вольный, смелый, – рассказывал он. – И край-то у нас какой. Енисей течет на пять тысяч верст в длину, а шириною против Красноярска – верста. Берега у него глинистые, розово-красные. И имя отсюда – Красноярск. Про нас говорят: «Краснояры сердцем яры». Сибирь западная плоская, а за Енисеем у нас горы начинаются, к югу – тайга, а к северу – холмы. Горы у нас целиком из драгоценных камней: порфир и яшма, а на Енисее острова Татышев и Атаманский. Этот по деду назвали. И кладбище над Енисеем с могилой дедовой, красивую ему купец могилу сделал.

А за Енисеем над горой станица Торгошинская... Первое, что у меня в памяти осталось, – это наши поездки зимой в Торгошинскую станицу. Сани высокие, мать, как через Енисей едем, не позволяла выглядывать, и все-таки через край и посмотришь: глыбы ледяные столбами кругом стоймя сто-

ят, точно долмены. Енисей на себе сильно лед ломает, друг на дружку их громоздит. Пока по льду едешь, то сани так с бугра на бугор так и кидает. А станут ровно идти – значит на берег выехали. Вот на том берегу я в первый раз видел, как «городок» брали. Мы от Торгошиных ехали. Толпа была. Городок снежный. И конь черный прямо мимо меня проскочил, помню. Это, верно, он-то у меня в картине и остался...

Мать моя из Торгошиных была. Торгошины были торговыми казаками, но торговлей не занимались: чай с китайской границы возили от Иркутска до Томска... Мать моя удивительная была. У нее художественность в определениях была: посмотрит на человека и одним словом определит. Рисовать она не умела. Но раз нужно было казацкую шапку старую объяснить, так она неуверенно карандашом нарисовала: я сейчас же ее увидал».

Прасковья Федоровна, как вспоминают современники, действительно была незаурядным человеком – сильная, смелая, проницательная. Она мастерски вышивала цветами и травами по своим рисункам, тонко чувствовала цвет, разбиралась в полутонах.

Первые уроки рисования Суриков получил у школьного учителя Н. В. Гребнева, который занимался с талантливым мальчиком отдельно. По окончании школы в 1868 г. юноша отправился в Петербург. Первая попытка поступить в Академию художеств была неудачной: провал на рисунке с гипса. Однако Суриков не пал духом, не растерялся. Он поступил в

Рисовальную школу при Обществе поощрения художников, отучился в ней три месяца, осенью успешно сдал экзамен и был принят в Академию. Учился блестяще. Особенно увлекался составлением композиций, за что товарищи прозвали его «композитором».

После окончания Академии Суриков получил очень выгодный заказ на выполнение четырех росписей на тему истории Вселенских соборов для строящегося тогда в Москве храма Христа Спасителя. Эта работа давала художнику материальную независимость, к которой он всегда стремился.

Переезд в Москву сыграл в творческой судьбе художника решающую роль. Но перед тем, в 1878 году, Суриков женился на Елизавете Августовне Шарэ. Ее отец, француз Август Шарэ, уже много лет жил в Петербурге. Он приехал сюда из Парижа и открыл небольшое предприятие. У него была лучшая в Петербурге бумага, которую он выписывал из Англии, Голландии, Дании, и все богатые петербуржцы заказывали почтовую бумагу с вензелями только у Шарэ. Еще в Париже Август Шарэ встретил русскую девушку из семьи декабриста Свистунова, эмигрировавшей во Францию. Он так влюбился, что даже переменял католичество на православие, чтобы жениться на ней, а потом переехал с семьей в Россию. Сын и четыре дочери Шарэ родились и выросли в Петербурге, но прекрасно знали французский язык. Девушки одевались как парижанки, но при этом были скромны и обладали хорошими манерами. Молодой художник покориł предпринимате-

ля-француза тем, что нисколько не интересовался приданным невесты. А приданого, собственно, и не было. В доме росли четыре дочери, поэтому, кроме прекрасного воспитания да сундука с платьями, отец ничего и не мог им дать. Но у Василия Ивановича и в мыслях не было думать о состоянии. Он глубоко презирал тех, кто женился на деньгах, и был уверен, что сам сумеет обеспечить свою семью. Женившись на любимой и любящей его девушке, он и так был абсолютно счастлив.

Счастливая семейная жизнь и относительная материальная обеспеченность позволили художнику «начать свое» – обратиться к образам русской истории. «Приехавши в Москву, попал в центр русской народной жизни, сразу стал на свой путь», – вспоминал он впоследствии.

По свидетельству самого Сурикова: «Началось здесь, в Москве, со мною что-то странное. Прежде всего, почувствовал я себя здесь гораздо уютнее, чем в Петербурге. Было в Москве что-то гораздо больше напоминавшее мне Красноярск, особенно зимой. Идешь, бывало, в сумерках по улице, свернешь в переулок, и вдруг что-то совсем знакомое, такое же, как и там, в Сибири. И, как забытые сны, стали все больше и больше вставать в памяти картины того, что видел и в детстве, а затем и в юности, стали припоминяться типы, костюмы, и потянуло ко всему этому, как к чему-то родному и несказанно дорогому.

Но больше всего захватил меня Кремль с его стенами и

башнями. Сам не знаю почему, но почувствовал я в них что-то удивительно мне близкое, точно давно и хорошо знакомое. Как только начинало темнеть, я... отправлялся бродить по Москве и все больше к кремлевским стенам. Эти стены сделались любимым местом моих прогулок именно в сумерки. Спускавшаяся на землю темнота начинала скрадывать все очертания, все принимало какой-то незнакомый вид, и со мною стали твориться странные вещи. То вдруг покажется, что это не кусты растут около стены, а стоят какие-то люди в старинном русском одеянии, или почудится, что вот-вот из-за башни выйдут женщины в парчовых душегрейках и с киками на головах. Да так это ясно, что даже остановишься и ждешь: а вдруг и в самом деле выйдут... И вот однажды иду я по Красной площади, кругом ни души... И вдруг в воображении вспыхнула сцена стрелецкой казни, да так ясно, что даже сердце забилося. Почувствовал, что если напишу то, что мне представилось, то выйдет потрясающая картина».

К 1881 году картина «Утро стрелецкой казни» представала перед публикой. Суриков был молод, полон творческих планов. К тому времени он уже имел двух дочерей: Ольгу (ставшую матерью Натальи Петровны), и Елену. Но счастье редко бывает долговременным. После того, как другую великую картину «Боярыня Морозова» у Сурикова вновь купил для своей галереи Павел Третьяков, семья решила поехать на лето 1887 года в Красноярск. Однако столь долгожданная для Василия Ивановича поездка на родину оказалась роко-

вой для его жены. Тяжелая и неудобная дорога на перекладных и на пароходе подкосила и без того хрупкое здоровье Елизаветы Августовны, страдавшей пороком сердца. После приезда из Сибири ее лечили лучшие профессора Москвы, но все было тщетно. 8 апреля 1888 года ее не стало. Для Сурикова смерть любимой жены была тяжелейшим ударом. Он почти оставил искусство, предаваясь горю.

Однако через год, вняв советам родных, Суриков вместе с дочерьми снова решил поехать в Сибирь, в Красноярск. «И тогда от драм к большой жизнерадостности перешел, – вспоминал художник. – У меня всегда такие скачки к жизнерадостности бывали. Написал я тогда бытовую картину «Городок берут». К воспоминаниям детства вернулся...»

В картине «Взятие снежного городка» (1891, ГРМ), появившейся после трех исторических полотен, заметны прямые истоки огромного жизнелюбия художника, которое помогло победить горе и невзгоды. Этим жизнелюбием В. И. Суриков наделял и героев своих произведений. В 1891 году Суриков возвращается в Москву. «Необычайную силу духа я из Сибири привез», – отмечает он. Художник принимается за работу над новым полотном «Покорение Сибири Ермаком» (1895, ГРМ). «Две стихии встречаются» – эти слова Сурикова встают в памяти, когда видишь изображенную грандиозную сцену битвы.

В процессе работы над большими картинами, тщательно подбирая натуру, Суриков пишет массу замечательных

портретов, пейзажей, натюрмортных и интерьерных композиций, имеющих и вполне самоценный эстетический смысл. Он также создает целый ряд самостоятельных портретов, простых по композиции, но чрезвычайно сильных и целостных по красочной лепке. Его замечательный дар колориста, который не красит, а строит форму цветом, пользуясь открытыми, звучными тонами, с особой непосредственностью проявляется в акварельных этюдах. Этапной в цветовых поисках художника явилась поездка в 1910 году в Испанию (вместе с зятем), откуда он привозит едва ли не лучшие свои акварели...

Кончаловские

Однако творчество В.И. Сурикова – это тема других работ и книг, здесь же речь о родословной Михалковых – Кончаловских, в которой переплелись судьбы личностей, составляющих непреходящую славу России. Зять Василия Ивановича Сурикова, отец Натальи Петровны Петр Петрович Кончаловский, как известно, тоже был художником, и художником большим. За свою творческую жизнь он создал огромное количество холстов – свыше полутора тысяч, кроме того, около пятисот акварелей и множество рисунков. Петр Петрович писал разные картины: пейзажи, портреты, натюрморты, жанровые сцены.

«Некоторым кажется, – говорил Кончаловский, – что я вообще спешу работать и пишу чересчур много в ущерб самому себе. Это неверно. Я пишу много просто потому, что у меня всегда есть много художественных замыслов, потому что они непрерывно рождаются и требуют реализации и потому еще, что ничем другим не занят, кроме живописи».

Родился Петр Петрович Кончаловский 21 февраля (9 февраля по старому стилю) в городе Славянск Харьковской губернии (теперь это Донецкая область). Когда Кончаловский был еще ребенком, семья переехала в Москву. В доме Кончаловских часто бывали Валентин Серов, Михаил Врубель, Константин Коровин. Его отцу, Петру Петровичу Кон-

чаловскому-старшему, мы обязаны не только фактом издания сочинений великих русских поэтов и собиранием в этой связи вокруг себя выдающихся русских художников. По воспоминаниям брата художника, Максима Петровича Кончаловского, отец был натурой сильной, благородной, увлекающейся, отличался вольнодумством. Когда его выбрали мировым судьей, он не терпел никакой несправедливости, практически все судебные дела решая в пользу крестьян. За свое оппозиционное настроение к властям был дважды выслан. В конце 1880-х занялся литературной и издательской деятельностью. В его переводах вышли «Робинзон Крузо» Д. Дефо (первый полный перевод на русском языке) в 1897 году, «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо (второй русский перевод) в 1892-м, «Путешествие вокруг света» Ж. Араго, «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта и другие.

Обладая прекрасным художественным вкусом, он безошибочно выбрал художника для иллюстрирования повести А.С. Пушкина «Египетские ночи». Им стал Михаил Врубель. В 1899 году, когда к столетию поэта готовилось к изданию собрание его сочинений, Врубель сделал обложку, иллюстрации к «Пророку», «Египетским ночам» и к «Сказке о царе Салтане». Кончаловский познакомился с Врубелем через В.А. Серова в 1890 году, когда пригласил его среди других выдающихся русских художников иллюстрировать издание сочинений М.Ю. Лермонтова. Врубель близко сошелся с большой и дружной семьей П.П. Кончаловского, жил ря-

дом, снимал комнату то в одном с ними доме, то поблизости, участвовал в их домашних спектаклях, ежедневно бывал у них, принося каждый раз новые варианты рисунков к поэмам «Мцыри» и «Демон», к роману «Герой нашего времени».

В период работы над изданием сочинений Лермонтова в 1891 году Врубель и Серов исполнили портреты П.П. Кончаловского-старшего маслом, которые долгое время находились в семье. Незадолго до кончины П.П. Кончаловского в 1904 году его портрет из дерева создал и С.Т. Коненков, также друживший с давних пор с их семьей. Сейчас эти произведения хранятся в Третьяковской галерее и Екатеринбургском художественном музее. В семье было шестеро детей: Антонина (умершая в 18 лет), Елена, Петр, Дмитрий, Виктория и Максим. Все сыновья П.П. Кончаловского стали знаменитыми людьми: Петр – известным художником-новатором, Дмитрий – историком, специалистом по истории Древнего Рима, Максим – врачом-терапевтом, основоположником научной школы. В семье Кончаловских именно Максим был связан самыми большими дружескими узами с М.А. Врубелем, об этом он сам интересно пишет в своих воспоминаниях: о том, как в юности ходил к Врубелю в гости, как Врубель ждал его с горячим самоваром, как они гуляли по Москве.

Неудивительно, что среда художников стала столь близкой одному из сыновей Кончаловского. В гимназические го-

ды Петр Кончаловский-младший посещал вечерние классы рисования Строгановского училища. Будущий тесть Кончаловского Василий Иванович Суриков положительно оценил – «за горячий колорит» – первые живописные опыты юного художника и отметил: «Краски и живопись – первое дело... Есть колорит – есть художник, нет – так нет и художника».

В 1897–1898 годах П.П. Кончаловский учился в Париже в Академии Жюльена. Вернувшись в Россию, в 1898–1905 годах продолжил занятия в Высшем художественном училище при Петербургской Академии художеств. Петр Кончаловский был одним из основателей объединения «Бубновы валет», созданного в 1910 году. «Бубновы валет» объединил молодых художников-новаторов, которые отрицали традиции академизма и реализма XIX века и осваивали творческое наследие Поля Сезанна, фовизм, кубизм и обращались к приемам русского лубка и народной игрушки.

Кончаловский много писал с натуры. «Когда я вижу интересующий меня кусок природы, – говорил художник, – я вижу уже всю вещь, вижу и чувствую, как надо устроить пейзаж. Просто брать то, что видишь, действовать, как фотограф, я не мог никогда. Без построения нет искусства, а есть голый натурализм, который я считаю заклятым врагом искусства, самой заразной болезнью. В первичное восприятие природы неизбежно входят и мои соображения о том живописном впечатлении, которое должен давать насто-

ящий пейзаж. В этот именно момент и начинается процесс преодоления действительности, осознания всего случайно-го, мешающего, происходит та концентрация видимого, которая и создает основу художественного произведения. Одновременно выясняются основные сочетания тонов, определяется ведущая нота колорита и сопровождающие ее мелодии».

Творческое наследие Кончаловского не ограничивается только пейзажами: за свою жизнь он написал неисчислимое множество натюрмортов с разными предметами. Один из самых известных натюрмортов художника – работа 1933 года «Сирень». Не менее известна его картина «Натюрморт. Мясо, дичь и овощи у окна», которую он создал в 1937 году.

Петр Петрович был также блистательным мастером портрета. 1925 годом датирован «Портрет О. В. Кончаловской с бусами». В том же году художник написал портрет Н. П. Кончаловской. Также в реалистической манере написаны портреты «Ночной сторож с собакой», «Виссарион – сапожник за работой», «Пианист В. В. Софроницкий», «Композитор С. С. Прокофьев», «Писатель А. А. Фадеев», «Арфистка В. Г. Дулова».

Многие работы П.П. Кончаловского посвящены семье. Среди них знаменитый «Семейный портрет» (1911, частная коллекция), написанный в Испании, где жил тогда художник с семьей, упомянутый портрет Ольги Васильевны Кончаловской, жены художника (в красном, с бусами) (1925, ГТГ).

Ольга Васильевна была человеком глубоким, энергичным и веселым, а ее степенная красота напоминала лица повзрослевших (или постаревших) нарядных сибирячек с картины ее отца, Василия Ивановича Сурикова, «Взятие снежного городка». Не раз писал Петр Петрович и Наталью Петровну.

«Как-то я собиралась на один из танцевальных вечеров. Одеда розовое шелковое платье и туфли с пряжками. Одна пряжка все время съезжала. Я нагнулась ее поправить. Именно так решил написать меня отец», – вспоминала позднее Наталья Петровна.

Много раз писал Петр Петрович Кончаловский и собственный автопортрет. Это и великолепный «Автопортрет» 1912 года (частная коллекция) периода расцвета «Бубнового валета» и увлечения творчеством французского художника Поля Сезанна; «Автопортрет с бритвой» (1926, ГТГ), «Автопортрет» (с больным ухом) (1926), «Автопортрет с собакой» (1933). Но по праву лучшим считается «Автопортрет» (в желтой рубашке) (1943, ГТГ), где 67-летний Кончаловский изобразил себя именно художником, с кистью в руке, а на круглом столике красного дерева – скульптурная фигура В.И. Сурикова, великого живописца и тестя Кончаловского, которого он боготворил и с которым очень дружил. Судьба подарила художнику долгую, 60-летнюю творческую жизнь, наполненную ежедневным трудом. Он был избран действительным членом Академии художеств, удостоен почетного звания «Народный художник РСФСР», стал лау-

реатом Государственной премии.

Скончался Петр Петрович Кончаловский 2 февраля 1956 года.

Петр Кончаловский – ныне один из самых дорогих русских художников. Рекорд на его живопись составляет полтора миллиона долларов, полученных на лондонском аукционе Sotheby's за портрет Юрия Петровича Юрьева (Денике) 1913 года. Причем цены на живопись Петра Кончаловского растут постоянно. И первым толчком для этого роста была выставка «Неизвестный Кончаловский» в Музее личных коллекций в 2002 году. Этот Кончаловский действительно был неизвестным, поскольку до тех пор коллекция хранилась в мастерской художника под бдительным надзором его сына Михаила Петровича Кончаловского.

Дом в Буграх

Атмосфера в доме Петра Петровича, который большую часть своей жизни прожил в бывшей барской усадьбе под названием Бугры, расположенной в Калужской области, в 110 километрах от Москвы, произвела неизгладимое впечатление на его внуков Андрона и Никиту. Ведь они проводили там все лето практически до самой смерти деда. Воспоминания об этом времени то и дело сквозят в их высказываниях, статьях, интервью, а А.С. Кончаловский даже посвятил своему знаменитому деду-художнику и описанию жизни в его доме целую главу в своей книге «Низкие истины». Хочется привести оттуда несколько отрывков – ведь именно дом деда во многом повлиял на формирование их с братом личностей, их мировоззрения. Хотя нельзя сказать, что мировоззрение у них всегда и во всем сходное. Но обратимся к воспоминаниям А. Кончаловского о доме деда.

«Дед мой, Петр Петрович Кончаловский, был человек глубоко русский, но без Европы не мог жить. В его доме все дышало Европой, не говорю уж о том, что в живописи он был сезаннистом. В первый раз он ездил в Испанию где-то в самом начале века вместе со своим тестем Василием Ивановичем Суриковым. Они писали эскизы по всей Европе.

Дед прекрасно говорил по-французски – жена Сурикова была полуфранцуженкой, так что для бабушки французский

язык был как бы первым.

Я часто думаю: почему нашу семью не задели репрессии? Могли ведь и задеть уже в довоенные годы. В военные – все-речь не сажали, массовые посадки начались снова в 1947-м с началом кампании против космополитов. В этот разряд Петру Петровичу попасть было проще простого, он был на-сквозь профранцузенный. Хотя и был академиком, но портрет Сталина писать, между прочим, отказался.

Случилось это в 1937 году. К юбилею революции все академики должны были написать портреты вождя. Предложи-ли и Петру Петровичу. Он не знал, как отвертеться, сказал, что портрет напишет, но только если Иосиф Виссарионович будет ему каждый день позировать.

– Вы соображаете? У товарища Сталина нет времени. Де-лайте по фотографии.

– Не могу. Я реалист. По фотографиям портретов не пи-шу.

Этого деду не забыли – вплоть до 1956 года ни одной персональной выставки у него не было». (Однако заметим в скобках, в 1943 году П.П. Кончаловский был удостоен Ста-линской премии. Так что, видимо, все же не столь сурова была опала. Возможно также, что на ситуацию с выставками влияла не столько власть, сколько непростые отношения ху-дожников между собой, особенно академической верхушки к Кончаловскому со товарищи. Но внук считает по-другому. Ему кажется, что «дамоклов меч» репрессий всегда висел

над семьей деда. Но почему же не обрушился?)

«Думаю, спасло нашу семью то, что в своей речи в начале войны Сталин среди великих имен, которые дала миру русская нация, назвал двух художников – Репина и Сурикова. Речь эта почиталась исторической, нас она внесла в разряд неприкасаемых. Потому бабушке моей, Ольге Васильевне, на язык нередко весьма несдержанной, сходило то, что другим бы никогда не простилось. Когда выступал министр культуры, она фыркала: «Боже, что он несет!» К советской власти относилась вполне недвусмысленно. Образ жизни, который они с дедом вели, ясно давал это понять...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.